

Вырезка из газеты

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

5 ЯНВ 1985

«ВЛАСТИТЕЛЕМ дум» называл артиста один из критиков. И мы близки к тому, чтобы с ним согласиться. Да, властитель, ибо каждая новая роль Ульянова — открытие. Открытие характера, типа, который знаком по жизни, узнаваем, но которого до Ульянова никто не показал исчерпывающе и точно. Его герои социальные, за ними, как правило, угадывается общественное явление, целый жизненный пласт. Ульянов рисует портреты, которые не оставляют в покое, невольно заставляют приглядеться к себе.

Заметно и другое: Михаил Ульянов не признает за собой права на передышку, он продолжает восхождение.

— Михаил Александрович, многие критики сейчас пишут о том, как трудно молодым в театре. О том, что подавшие надежды студенты по приходе в труппу зачастую выпадают из поля зрения режиссеров. Как тут проявить себя, показать, на что способен?

— Да, это общая болезнь, общие проблемы. Хотя в каждом театре, право же, они свои.

Помню, как начинали мы, неоперившиеся студенты Щукинского училища. Еще живы были Качалов, Москвин — артисты, перед которыми трепетала Москва. Им тоже казалось, что мы, юнцы, берем темп слишком резвый. Они ведь привыкли совсем к другому ритму, стилю жизни. Пешком ходили по улицам, не торопились с киностудии на спектакль, а после на концерт. Мы, новобранцы, мечтали, конечно, о новых ролях, но еще больше сомневались в себе.

Почему сейчас так нетерпелива молодежь? Заначивает студент учебу, а у него уже послужной список ролей в кино, он мнит себя профессионалом и с такими амбициями приходит в театр. Телевидение, радио, кино начинают эксплуатировать раньше, чем нарастают его профессиональные мускулы, — вот в чем беда. Но в труппе новичок пока на задворках, популярность у публики, заслуги в кино здесь в расчет не идут. Тут терпение нужно, труд черновой, изо дня в день, от зрительских глаз скрытый. А уже есть привычка к легким победам. Вот тогда-то и проклевываются в душе недовольство, обида: как так, в родном театре пренебрегают...

Между прочим, еще Владимир Иванович Немирович-Данченко нечто подобное предвидел, когда писал о «вакханалии участия акте-

ров МХАТа в синемаатографе». Композиция по его письмам — моя последняя работа на телевидении. Как они написаны поразительно, с каким умом, беспокойством, трагичностью даже, когда говорится о том, что наболело. А мучило великого классика то, что актеры расстривают себя, снимаясь в кино, оттого они на сцене пусты. Может, и был резон в запрете студентам сниматься во время учебы, не знаю...

Наша профессия жестока в том смысле, что, пока молод, физически можешь

ли книги, размышления о жизни.

Разговоры о вещизме nabили оскомину, а никауда эта проблема не исчезает, не растворяется. Чего-то мы не учитываем в психологии наших детей, как-то иначе их надо воспитывать. Уж больно горазды мы оберегать их от обязанностей, ответственности, дела. Во многих странах подростки рано заставляют зарабатывать деньги. Прежде чем сесть в кресло чиновника, дети из обеспеченных семей вкалывают на самых бросовых работах, узнают запа-

ристов. Жизнь довольно часто подбрасывает нам обстоятельства, когда надо выбирать: солгать себе во благо, промолчать или сказать правду в лицо, отстаивать ее до конца. Поступить-ся принципами в угоду кому-то или быть верным себе. А мы ждем экстремальных ситуаций, огня или тонущего на реке, чтобы сразу заметен стал наш выдающийся поступок. Куда значительнее, на мой взгляд, обычный день прожить достойно, без разлада с совестью. Мы слишком привыкли к тому, что так или

дисциплина, наконец. В кино — другое. Выбираю, конечно, роли, о которых знаю, зачем они, что в них играть. Если они дают возможность выразить нечто существенное, тревожащее меня как человека, как гражданина. Если роль можно наполнить своим беспокойством, чувством времени, если есть у меня «горючее» для образа.

Мой Абрикосов из фильма «Частная жизнь», например, прожил честно, но слепую жизнь. И не вина, а беда его, что он не слышит свое время, упустил собственную семью, детей, что дома он чужой. Я согласен с Ю. Райзманом, высказавшим своеобразный итог этого фильма: люди, в жизни которых существует только работа, — инвалиды.

Фильм «Без свидетелей» — абсолютно новое для меня поле. Здесь мой герой законченный мерзавец, подлец чистой воды, переступивший через совесть, честь, достоинство.

В роли Наполеона, которую я играю на сцене Театра на Малой Бронной, меня волнует тема человека на пьедестале, обремененного огромной властью. И то, как пьедестал постепенно давит, уродует личность, как упоение владычеством корежит человека. Будь ты хоть трижды Наполеон, но ты должен иметь край, границы дозволенного, чувство меры. Роль, надо сказать, ювелирно выписана. Громадная и тяжелая роль.

— Ваш главный судья — зритель? Или больше доверяете критике?

— К критике я отношусь спокойно, не очень боюсь, но и не обольщаюсь на свой счет. Самое горькое, когда ты никому не нужен, когда тебя не различают в пух и прах и не хвалят. Молчат. В этом есть нечто кладбищенское. Вообще, мне кажется, критика нужна больше не актеру, а зрителю — иногда важно соотнести свое впечатление с суждением профессиональным. Но глубокие разборы спектакля или фильма мне читать интересно — они, к сожалению, так редки.

Мнением зала дорожу, ему доверяю. В мечтах куда только не возносишься, а смотришь в зал, и ясно — роль вышла и слабее, и жиже, и ниже, чем самому казалось. Я получаю довольно много писем от зрителей, храню же только ругательные. Диву даешься, какая в них иногда меткость суждений, даже злость. И это хорошо. Боюсь людей «непромокаемых», стопроцентно положительных.

Беседу вел
К. ФОМЕНКО.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

БЕЗ ПРАВА НА ПЕРЕДЫШКУ

«поднять» любую роль, сыграть все. Но мастерства, внутреннего горючего не хватит. Это, как и зрелость, глубина постижения характеров, мироощущение к художнику приходит с годами. Что подлаешь: раньше времени не поспеешь.

Я сейчас часто вспоминаю фразу знаменитого итальянского трагика Росси. «Весь парадокс профессии актера, — говорил он, — заключается в том, что, как играть Ромео, я понял в 70 лет, а играть его надо в 17». Хорошо бы, думаю, для Ричарда и Антония скинуть лет эдак 15, хотя тогда, 15 лет назад, «Антоний и Клеопатра» еще не был поставлен.

Здесь одно спасение, и пусть я покажусь неоригинальным, — самостоятельная работа. Нет никакого другого лекарства. Актер вырастает из умения трудиться — не изпод палки, не по приказу, не в силу необходимости — из внутренней потребности своей. Чуть только закралась уверенность: я, мол, все умею, мне все подвластно, — считайте, артисту пришел конец.

— Что не нравится Вам в современной молодежи?

— Стереотипы, которые почему-то прочно укоренились в сознании. Для некоторых стало чуть ли не знаком социальной принадлежности: что на тебе надето, едешь ты на машине или в метро, какую должность занимаешь, а в последнее время — и где живешь. Словечко появилось — тихий центр. Весьма котируется. Я не за то ратую, чтобы всем поголовно переодеться-переобуться в то, что похуже-полнее. Я за то, чтобы штаны не загоражива-

пота и хлеба. У нас же добренькие родители чадо лелеют. Потом мамы-папы обрывают телефон у ректора, ищут им место, должность почище. В ход идут и связи, и старая дружба. Ну не дикость ли, что места, кабинеты, целые институты иногда «передаются по наследству»? Нечастое это явление, а нельзя об этом молчать, от этого прятаться.

Молодые сегодня рано улавивают, что от них требуется, как «правильно говорить», какие сочинения писать. Но кто допытывался, что они при этом думают? Столько примеров, когда пай-мальчики и девочки, выйдя из школы, ведут себя нагло и цинично.

— Михаил Александрович, говорят, что время выдвигает своих героев. Каким представляется Вам молодой герой нашего времени? И есть ли он вообще в спектаклях, книгах, фильмах?

— Думаю, в жизни героев пока больше, чем в искусстве. В газетных очерках они встречаются чаще, чем у писателей, драматургов, сцена-

инче добро у нас победит зло. Как будто это происходит по щучьему велению. А ведь за добро еще надо побороться, и с самим собой, и с обстоятельствами.

Разжевывать эти истины смешно, нелепо вдавливать их в головы. Молодежи нельзя запретить думать о жизни, набивать шишки в поисках ее смысла, назначения. Не уберечь ее от этого. Театр, фильм могут направить, дать толчок размышлениям, указать вектор мысли.

— Один из режиссеров недавно предложил подбирать в репертуар пьесы по проблемам...

— Я категорически против. В искусстве есть то, что вечно будило интерес, что во все времена будет питать душу. Истинные художники и в театре, и в кино всегда хоть на полшага, но глядят вперед своего времени, чувствуют, что сегодня еще в зародыше. Впрочем застигнуть явление, уловить, понять — я вижу в этом гражданский долг людей искусства. Пусть мысли в таких произведениях будут порой звучать спорно, задиристо, но это даст толчок общественной мысли. Я — за такие пьесы и такой репертуар обеими руками. И такие художники есть у нас. Есть совершенно поразительные кинорежиссеры: Ю. Райзман, Г. Панфилов, В. Абдрашитов, О. Иоселиани, Н. Михалков и другие.

— Интересно, как вызрелает у Вас решение, выбор: играть или не играть ту или иную роль?

— В театре вопрос играть или не играть не стоит. Если, паче чаяния, моя концепция роли не сходна с режиссерской, то ведь на меня есть управа: репертуарный план,